

На правах рукописи

Тарасенко Виталий Викторович

**ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

12.00.08 – уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент
Панько Кирилл Константинович

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Российского государственного
университета правосудия

Ображиев Константин Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Ведущая организация – Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова

Защита состоится 26 июня 2017 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 203.017.02 при Краснодарском университете МВД России по адресу: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, корпус «А4», конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России.

Полный текст диссертации, автореферат диссертации и отзыв научного руководителя размещены на официальном сайте Краснодарского университета МВД России по адресу: крду.мвд.рф

Автореферат разослан « ____ » апреля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Грибанов Евгений Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время проблема создания и практического применения нормативных правовых актов, непосредственно затрагивающих соблюдение прав и свобод граждан как основной идеал гражданского общества в демократическом государстве, обуславливает высокие требования к уголовно-правовому регулированию, так как именно в уголовном праве применяются наиболее суровые меры государственного принуждения. Дисбаланс общественных отношений в данной сфере может привести к значительным нарушениям прав и свобод человека и гражданина.

Уголовный закон должен отражать достигнутые результаты развития общества в борьбе с криминальными проявлениями, способствовать реализации на практике намеченных государством и обществом мероприятий по борьбе с преступностью и защите личности. Изменения, произошедшие в социально-экономическом и политическом устройстве России, начавшаяся реформа по гуманизации уголовного законодательства привели к тому, что почти за 20 лет действия УК РФ в него было внесено около 200 поправок, что требует существенного изменения правоприменительной деятельности, формирования надлежащего правового мышления, уяснения понятий и категорий, технических средств, непосредственно связанных с процессом создания и реализации норм уголовного права.

В указанном аспекте научный интерес для уголовного правотворчества и правоприменительной деятельности как никогда представляют такие неординарные технические средства, как уголовно-правовая презумпция и уголовно-правовая фикция. Указанные нетипичные средства правотворческой техники представляют собой устоявшиеся уголовно-правовые конструкции, сущность которых является одним из главных показателей совершенства отрасли уголовного права. Необходимость в использовании таких средств обусловлена внутренними особенностями права как нормативного регулятора общественных отношений, а именно такого свойства права, как формальная определенность.

Закрепляя в уголовном законе уголовно-правовую презумпцию, законодатель в большинстве случаев преследует цель экономии уголовной репрессии и правовых средств воздействия на лиц, совершивших отдельные категории преступлений. В данном случае в высокой степени достоверное предположение является потенциалом уголовного права, позволяющим достигнуть цели правового регулирования.

Например, уголовно-правовая презумпция утраты лицом общественной опасности (ст. 75, 76, 76.1 УК РФ и др.) представляет собой гуманный акт государства, освобождающий лицо, совершившее преступление, в предусмотренных законом случаях от официального порицания его поведения в форме обвинительного приговора, наказания и судимости, если цели и задачи, стоящие перед уголовным законом, будут обеспечены без применения к виновному мер государственного принуждения.

Правовая фикция – это одно из неординарных явлений в уголовном праве, продукт гения человеческого разума. Применение законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы фикции является одним из немногих случаев, когда ложь служит достижению общественно полезных целей. Стремление к адекватному отражению действительности является постулатом всего правового пространства, не исключение и уголовное право. Вместе с тем, достичь положительного результата правового регулирования не всегда удастся путем отражения истины. Например, при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести (п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ). В таких случаях отражение истины служит препятствием в развитии общественных отношений, и законодатель вынужден прибегать к помощи лжи. В частности, применительно к приведенному примеру действует фикция «стертой» памяти относительно судимости, полученной лицом за умышленное преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Рассматриваемые технические средства позволяют восполнить существующие пробелы в уголовном праве путем урегулирования тех общественных отношений, которые не подпадают под общее правило законодателя и требуют от правоприменителя нестандартного решения.

Данные обстоятельства в совокупности и определяют актуальность и социальную значимость проведения специального комплексного уголовно-правового исследования вопросов реализации уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем с помощью правовой презумпции и правовой фикции.

Степень разработанности темы исследования. Разработке различных аспектов общего учения о презумпциях и фикциях в праве, рассмотрению вопросов, связанных с ролью презумпций и фикций в различных отраслях права, посвящены труды С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, В.М. Горшенева, Г.Ф. Дормидонтова, И.М. Зайцева, О.С. Иоффе, В.И. Каминской, Н.Ф. Качура, А.В. Малько, Д.И. Мейера, С.А. Муромцева, А. Нашиц, В.А. Ойгензихта, И.Г. Оршанского, М.С. Строговича, Г.Ф. Шершеневича, А.Ф. Черданцева и других авторов.

В последние десятилетия вопросы теоретического анализа презумпций и фикций в праве были рассмотрены в диссертационных исследованиях Л.А. Астемировой, Т.В. Актимировой, М.И. Брагинского, М.Н. Бронниковой, Л.М. Васильева, В.В. Витрянского, М.А. Дрягина, Л.А. Душаковой, О.В. Жажиной, О.А. Кузнецовой, О.А. Курсовой, Р.К. Лотфуллина, Е.Ю. Марохина, С.А. Мосина, Е.А. Наховой, Н.А. Никиташиной, К.К. Панько, М.П. Прониной, П.М. Резинькова, Ю.А. Серикова, И.В. Сухининой, Т.Г. Тамазяна, Е.Б. Тарбегаевой, И.В. Филимоновой, Н.Н. Цуканова, Ф.Г. Шахкелдова, Д.М. Щекина и других. Однако в подавляющем большинстве работ данная проблематика рассматривалась в основном применительно к общей теории права, гражданскому праву, семейному праву, налоговому праву, страховому праву, уголовному и гражданскому процессу. Исследования презумпций и фикций в рамках уголовного права были опубликованы более 15 лет назад (работы Ю.Г. Зуева, К.К. Панько) и не учитывают многочисленные законодательные новации, прошедшие с того времени.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что степень научной разработанности теоретических аспектов правовых презумпций и фикций в рамках уголовного права России требует глубокого исследования с выработкой необходимых рекомендаций для обеспечения наиболее эффективного механизма работы государственной правоохранительной системы.

Кроме того, в работе сделана попытка подвергнуть комплексному анализу проблему презумпций и фикций в уголовном праве, что обуславливает необходимость рассмотрения вопросов становления презумпции и фикции в праве вообще и в уголовном праве в частности, системы правовых презумпций и фикций, их социально-правовых функций и механизма проявления в отдельных уголовно-правовых институтах.

Объект диссертационного исследования образуют общественные отношения, возникающие в процессе реализации уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем с помощью презумпции или фикции.

Предметом диссертационного исследования выступают уголовно-правовые нормы, сконструированные законодателем с помощью таких средств правотворческой техники, как правовая презумпция или фикция; постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие уголовно-правовую презумпцию или фикцию; зарубежные уголовно-правовые акты, регламентирующие вопросы реализации норм, образованных с помощью презумпции или фикции; статистические данные о состоянии и динамике преступлений, совершенных в РФ;

материалы соответствующей правоприменительной практики, а также научные публикации по данной проблематике.

Цель диссертационного исследования заключается в системном научном исследовании норм действующего уголовного закона, сконструированных законодателем с помощью презумпций или фикций, формировании рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие исследовательские **задачи**:

раскрыть понятие, значение и основные элементы содержания презумпций и фикций как средств правотворческой техники, оказавших влияние на формирование и развитие уголовного права России;

показать методологические возможности презумпций и фикций для теоретической разработки и их законодательного использования при конструировании норм действующего уголовного закона;

установить критерии разделения правовых презумпций и фикций как средств правотворческой техники, а также условия отграничения последних от смежных правовых категорий;

выявить в действующем уголовном законе правовые нормы, сконструированные законодателем с помощью правовой презумпции и фикции, провести их уголовно-правовой анализ;

определить проблемные вопросы применения на практике обозначенных норм уголовного закона;

сформулировать основные направления совершенствования законодательного описания уголовно-правовых норм, сконструированных с помощью презумпции и фикции.

Методологической основой диссертационного исследования выступают категории и принципы диалектического материализма, а также общенаучные (дедукция и индукция, анализ, синтез, исторический, логический, системный и сравнительные подходы, восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении и др.) и частнонаучные методы познания. Среди частнонаучных в большей степени использовались: формально-логический анализ теоретических определений презумпции и фикции в праве; сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных государств в интересующей области правового регулирования; статистический анализ данных о состоянии и динамике преступлений, совершенных отдельными категориями лиц, по видам. Кроме того, были использованы лингвистический, логический, конкретно-социологический и другие методы исследования.

Нормативная основа исследования включает в себя международные правовые акты, Конституцию РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, федеральные законы «О Следственном комитете Российской Федерации», «О полиции», «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др., иные законодательные и подзаконные акты РФ, в том числе нормативные источники, утратившие силу, и уголовное законодательство зарубежных стран.

Теоретическую основу диссертационного исследования образуют фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области уголовного права, а также непосредственно связанные с объектом исследования труды в области теории и истории государства и права, административного права, социологии, криминологии, криминалистики, медицины, психологии, психиатрии и других наук.

Непосредственными источниками информации послужили монографии, диссертации, научные статьи и иные опубликованные материалы таких авторов, как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, Г.Ф. Дормидонтов, В.М. Горшенев, А.П. Заец, О.С. Иоффе, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Г.С. Мэн, А.Ф. Черданцев, М.Д. Шаргородский и др.

Эмпирическую базу исследования образуют: опубликованная судебная практика, результаты изучения материалов 408 уголовных дел о преступлениях общеуголовной направленности. По исследуемой категории уголовных дел изучены постановления Пленума Верховного Суда РФ и официально опубликованные материалы судебной практики, имеющей место на территории РФ, в частности Воронежской области, с 2000 по 2015 г. Использован личный опыт работы автора в следственном отделе Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области.

Кроме того, при написании работы были использованы результаты исследований, проведенных иными авторами, а также результаты контент-анализа средств массовой информации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно является первой и на сегодняшний день единственной работой, в которой комплексно рассматриваются проблемные аспекты создания уголовно-правовых норм с помощью таких средств правотворческой техники, как правовая презумпция и фикция, а так-

же подробно анализируются вопросы, связанные с практической стороной реализации данных уголовно-правовых норм.

В результате проведенного теоретического анализа правотворческого процесса в современном уголовном праве России автором обосновывается идея более широкого понимания правотворческого процесса путем отнесения к нему, помимо уголовных законов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, подробно рассмотрены основные признаки, присущие уголовно-правовой презумпции и уголовно-правовой фикции, в том числе теоретически сформулированы авторские определения данных уголовно-правовых категорий. В результате комплексного исследования определено, что разграничителем правовой презумпции и фикции как средств правотворческой техники в уголовном праве является свойство неопровержимости, аргументировано, что уголовно-правовая фикция, в отличие от уголовно-правовой презумпции, является ложной по содержанию, презумпция, наоборот, ложна по форме, а не по содержанию. В рамках исследования проведено сопоставление уголовно-правовой презумпции и фикции с иными техническими средствами и смежными правовыми категориями, установлено, что данные правовые категории занимают особое место в правовом регулировании, что объясняется нестандартным подходом (использование предположения или заведомо ложного утверждения).

В диссертационном исследовании предложен исчерпывающий перечень уголовно-правовых норм Общей и Особенной частей УК РФ, сконструированных, по мнению автора, с помощью презумпции и фикции как средств правотворческой техники. Теоретически обосновано, что правовая презумпция как средство правотворческой техники использована при создании следующих положений уголовного права: принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), возраст уголовной ответственности (ч. 1–2 ст. 20 УК РФ) и др. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что следующие уголовно-правовые нормы сконструированы законодателем с помощью такого средства правотворческой техники, как правовая фикция: принцип законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ) и др.

Автор приходит к выводу о том, что в подавляющем большинстве случаев законодатель обоснованно использует правую презумпцию и правовую фикцию как средства правотворческой техники, что позволяет придать общественным отношениям необходимую степень

стабильности и упорядоченности, не допустить нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Диссертантом с учетом положений теории уголовного права, современного нормативного материала и существующей правоприменительной практики разработаны конкретные предложения по совершенствованию ряда уголовно-правовых норм с целью более качественного регулирования общественных отношений. В целом в ходе диссертационного исследования были решены задачи, имеющие теоретическое и прикладное значение для развития науки уголовного права и более качественной работы правоохранительных органов, в части, касающейся гуманизации уголовного законодательства, а также противодействия совершению тяжких и особо тяжких преступлений, являющихся вызовами государству.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Аргументировано, что уголовно-правовая презумпция – это средство правотворческой техники, косвенно отраженное в нормах уголовного закона и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, с помощью которого оформляется в высокой степени вероятностное предположение законодателя о наличии или отсутствии определенного факта, подтвержденное предшествующей общественно-исторической практикой.

2. Определено, что уголовно-правовая фикция – это средство правотворческой техники, закрепляющее в правовой норме или постановлении Пленума Верховного Суда РФ ложное положение, носящее неопровержимый характер, с целью придания стабильности и упорядоченности общественным отношениям.

3. Доказано, что презумпция лежит в основе следующих уголовно-правовых положений:

1) принцип справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ): санкции статей Особенной части в достаточной мере отражают характер и степень общественной опасности деяния, обстоятельства его совершения и личность виновного;

2) возраст уголовной ответственности (ч. 1–2 ст. 20 УК РФ): лицо, достигшее 16-летнего возраста, способно осознавать преступность своих действий; лицо, достигшее 14-летнего возраста, может осознавать преступность лишь некоторых своих действий; лицо, не достигшее 14-летнего возраста, не способно осознавать преступность своих действий вообще;

3) определение целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ): установленные виды и размеры наказаний могут и должны обеспечить их достижение;

4) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 1 ст. 47 УК РФ): предполагается возможность совершения лицом новых преступлений с использованием занимаемой должности или рода занятий, обусловленная ранее совершенным преступлением;

5) институт назначения наказания (гл. 10 УК РФ): определенные обстоятельства свидетельствуют о смягчении или увеличении уровня уголовной репрессии (ст. 61, 62, 63, 64 и др.); институт освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ): наличие прямо оговоренных обстоятельств свидетельствует об утрате необходимой степени общественной опасности деяния и лица, равно как и в институте освобождения лица от наказания (гл. 12 УК РФ);

6) погашение судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ): в связи с истечением установленных сроков лицо утрачивает общественную опасность.

4. Аргументировано, что фикция была использована при конструировании следующих уголовно-правовых положений:

1) принцип законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ): закрепляется несуществующее положение об установлении преступности деяния, наказуемости и иных правовых последствий исключительно только УК РФ, в то время как существуют и иные нормативные акты, регламентирующие данные вопросы;

2) принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), поскольку указанное правило в ряде случаев не соответствует действительности: среди обстоятельств, отягчающих наказание, закреплено совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ), в качестве отягчающего наказания обстоятельства выступает убийство по мотиву кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

3) основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ): закрепляется несуществующее положение, поскольку предусматривает уголовную ответственность и при отсутствии всех признаков состава преступления;

4) время совершения преступления (ч. 2 ст. 9 УК РФ): признается временем совершения преступления лишь момент совершения общественно опасного деяния, тем самым еще не совершенное считается уже совершенным (для материальных составов);

5) обратная сила уголовного закона (ст. 10 УК РФ): к деянию применяется закон, которого на момент его совершения еще не было;

6) рецидив преступлений (ч. 4 ст. 18 УК РФ): не все лица, совершившие преступление и представляющие общественную опасность, юридически признаются таковыми;

7) невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 28 УК РФ): не все лица, совершившие деяния, которые общественно опасны и запрещены под угрозой наказания, т. е. представляют повышенную общественную опасность, юридически признаются таковыми;

8) посредственное исполнительство преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ): исполнителем преступления признается лицо, отсутствовавшее на месте преступления и объективную сторону состава преступления не выполнявшее;

9) организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ): действия лиц, непосредственно не совершавших преступление (организатор, подстрекатель или пособник), подлежат квалификации как действия соисполнителей преступления;

10) обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 8 УК РФ): деяния, являющиеся общественно опасными, объявляются законодателем не преступными;

11) назначение наказания при рецидиве преступлений при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 68 УК РФ): деформируются общие правила назначения наказания при рецидиве преступлений;

12) институт снятия (погашения) судимости (ч. 2 и 6 ст. 86 УК РФ): лицо, осужденное судом за совершение преступления, объявляется несудимым;

13) примечание к ст. 131 УК РФ: преступления, не относящиеся к изнасилованию или насильственным действиям сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, должны быть квалифицированы как изнасилование либо как насильственные действия сексуального характера.

5. По результатам исследования презумпций и фикций в современном уголовном праве России сформулированы предложения по совершенствованию следующих уголовно-правовых институтов: принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), рецидива преступлений (п «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ), возраста уголовной ответственности (ч. 1 ст. 20 УК РФ), принудительных работ (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ), назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ч. 3 ст. 58 УК РФ), назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств

(ч. 1 ст. 62 УК РФ), обстоятельств, отягчающих наказание (ч. 1 ст. 63 УК РФ), назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 4, 5 ст. 79 УК РФ), освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ), освобождения от наказания в связи с болезнью (ч. 1, 2 ст. 81 УК РФ), отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ч. 1 ст. 82.1 УК РФ), судимости (ч. 6 ст. 86 УК РФ).

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты вносят существенный вклад в развитие теоретических положений уголовного права, в конкретизацию существующего терминологического аппарата, используемого законодателем при создании уголовно-правовых норм, с помощью таких средств правотворческой техники, как правовая презумпция и фикция, содержания положений уголовного закона. Сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения. Содержащиеся в диссертационной работе положения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, могут быть использованы в законотворческой деятельности по совершенствованию УК РФ; при подготовке разъяснений Пленума Верховного Суда РФ; в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов; в научно-исследовательской работе по уголовно-правовой проблематике; в учебном процессе по дисциплинам «Уголовное право. Общая часть», «Уголовное право. Особенная часть», спецкурсам «Теоретические основы квалификации преступлений», «Квалификация преступлений против личности» и «Квалификация преступлений в сфере экономики»; в системе повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Степень достоверности результатов исследования. Теоретическая часть научного исследования основывается на использовании обширного круга зарубежных и российских научно-правовых источников, в том числе трудов дореволюционного, советского и современного периодов по отечественному уголовному праву, а также научной и учебной литературы, материалов всероссийских и международных конференций по вопросам уголовно-правовой направленности, аналитических отчетов и результатов научных семинаров по рассматриваемой тематике.

Сформулированные выводы и предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства базируются на изучении теоретической части работы, результатах обобщения, опирающихся на диалектические основы философии, общенаучные и частные методы познания.

Автором при формулировании теоретических и прикладных положений исследования использованы результаты анализа правоприменительной практики в исследуемой сфере общественных отношений, в том числе материалы судебной практики судов г. Воронежа и Воронежской области, статистические данные.

Степень достоверности результатов проведенного исследования обеспечена также использованием при написании работы значительного количества нормативных источников, в том числе международных правовых актов, отечественного и зарубежного уголовного законодательства.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования заслушивались на заседаниях кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, где проводилось рецензирование и обсуждение диссертационной работы. Теоретические выводы и положения диссертационного исследования докладывались на международных и всероссийских конференциях: Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам «Социализация науки» (Горловка, Украина, 2013 г.); Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал, состояние и тенденции развития в экономике, проектном менеджменте, образовании, политологии, юриспруденции, психологии, экологии, медицине, филологии, философии, социологии, технике, физике, математике» (Санкт-Петербург, 2013 г.); Международной научной конференции «Современные проблемы права и управления» (Тула, 2014 г.); Международной научной конференции «Государство и право: теория и практика» (Чита, 2014 г.); Международной научной конференции «Право: современные тенденции» (Уфа, 2014 г.); Международной научной конференции «Актуальные проблемы права» (Москва, 2014 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки XXI века» (Москва, 2016 г.), Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 2016 г.) и др.

Основные положения диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Воронежского государственного университета, Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж), Воронежского института МВД России, практическую деятельность Следственного управления Следственного комитета России по Воронежской области, адвокатской палаты Воронежской области, нашли отражение в 23 научных статьях, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертационной работы обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих 6 параграфов, заключения, списка литературы. Диссертация оформлена в соответствии с требованиями ВАК при Минобрнауки России.

ОСНОВНОЕ СОДЕЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; раскрывается степень разработанности темы; определяются объект, предмет, цель и задачи исследования; характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы работы; формулируются основные положения, выносимые на защиту; раскрывается теоретическая и практическая значимость результатов исследования, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава **«Теоретические основы правовых презумпций и фикций»** включает четыре параграфа.

В первом параграфе **«Уголовное правотворчество и юридическая техника»** рассматриваются вопросы создания нормативных правовых актов.

Автор проводит краткий анализ стадий правотворческой деятельности, представляющих собой последовательные и взаимосвязанные действия правотворческого органа, из которых складывается процесс создания уголовно-правового акта. Наиболее развернутой формой правотворчества является законодательная деятельность. Основными стадиями правотворческого процесса являются: 1) выявление общественной потребности в правовом регулировании соответствующей сферы общественных отношений; 2) принятие решения о подготовке проекта нормативного правового акта; 3) подготовка тек-

ста проекта; 4) предварительное обсуждение; 5) возведение государственной воли в закон; 6) внесение вопроса о рассмотрении законопроекта в повестку дня правотворческого органа; 7) официальное опубликование принятого нормативного правового акта.

В диссертационном исследовании отмечается, что, несмотря на большое внимание, уделяемое вопросам создания нормативных правовых актов в теории, на законодательном уровне так и не принято документа, регламентирующего порядок их создания и модернизации. На практике это приводит к отсутствию единого подхода к вопросам подготовки, внесения, рассмотрения, принятия, опубликования, толкования и систематизации нормативных актов, а также не позволяет выработать единые требования к пониманию содержания техники правотворчества.

В рамках данного параграфа аргументируется, что особую озабоченность вызывает комплекс проблем, возникающих в отношении судебного правотворчества. В настоящее время существует ситуация, когда теория говорит о непризнании судебного правотворчества, а практика свидетельствует об обратном. С одной стороны, признается правомерность фактической правотворческой деятельности Верховного Суда РФ, т. е. его полномочий, вытекающих из ст. 126 Конституции РФ и ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации», по даче разъяснений по вопросам судебной практики, имеющих общеобязательный, а следовательно, и нормативный характер; с другой стороны, отмечается формальное фактическое отрицание их нормативного характера. В данном случае подразумевается многолетняя практика фактического наличия в РФ обязательных разъяснений Верховного Суда РФ в практике применения уголовного законодательства.

Автор осуществляет подробный анализ правил, приемов и средств правотворческой техники и выносит предложение о необходимости отнесения к средствам структуры уголовного правотворчества юридических конструкций, уголовно-правовых актов, примечаний, презумпций, фикций, преюдиций, гипотез, версий.

Второй параграф **«Правовая презумпция как средство правотворческой техники»** посвящен теоретико-правовой характеристике презумпции.

На основе изучения отечественного и зарубежного законодательства, специальной литературы рассматривается история становления и развития презумпций в праве. По результатам данного анализа делается вывод о том, что презумпции получили свое развитие еще

со времен Древнего Рима. В дальнейшем презумпции вместе с римским правом активно использовались правоведами в Средние века.

Отмечается, что предположения появились в праве как результат обобщения многолетних наблюдений за обычным порядком вещей. Во всех сферах жизни человека его сопровождают события, явления и обстоятельства, об истинности которых можно говорить лишь с определенной степенью вероятности, распознавание которых потребовало бы приложения немалых усилий. Для разрешения данных ситуаций в римском процессе стали использовать предположения о наличии или отсутствии тех или иных фактов в действительности в качестве технико-юридического инструмента, регулировавшего вопрос о переходе бремени доказывания.

Автор также высказывает предложение о необходимости различать предположение и правовую презумпцию. Термин «общее предположение» наиболее полно отражает суть не закрепленных в норме права презумпций, так как является более широкой философско-логической категорией и активно используется в бытовой, хозяйственной и научной деятельности человека. Суть общего предположения заключается в том, что на основе наблюдавшихся ранее явлений, приводивших к определенным последствиям, можно сделать заключение, что и в последующем при наступлении аналогичных явлений ожидаются те же самые последствия. Повторяемость одних и тех же явлений и, как результат, последствий, получаемых в ходе общественной и хозяйственной деятельности человека, являлась сначала именно обычным явлением, а затем приобретала характер закономерности. Для уголовного правотворчества имеют значение только правовые презумпции, являющиеся средством конструирования уголовно-правовой нормы, с помощью которых закрепляется положение о признании какого-либо факта юридически достоверным, которое не может быть опровергнуто путем предоставления доказательств.

Автор указывает на необходимость разграничения презумпции как средства правотворческой техники и как нормативного положения (нормы права). Норма-презумпция относится к числу вспомогательных норм уголовного права и, в отличие от презумпции как средства правотворческой техники, может быть опровергнута.

Диссертантом рассматриваются основные признаки, отражающие сущность уголовно-правовой презумпции как средства правотворческой техники, к которым относятся:

1) косвенное закрепление в правовой норме или постановлении Пленума Верховного Суда РФ;

2) вероятностный вывод об объекте предположения;

3) указание на общественно-историческую практику (является существенным признаком для всех правовых презумпций, так как законодательные предположения выводятся на основании вероятности из данных жизненного опыта).

В результате проведенного анализа предлагается авторское определение уголовно-правовой презумпции как средства правотворческой техники, косвенно отраженного в нормах уголовного закона и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, с помощью которого оформляется в высокой степени вероятностное предположение законодателя о наличии или отсутствии определенного факта, подтвержденного предшествующей общественно-исторической практикой.

В третьем параграфе *«Правовая фикция как средство правотворческой техники»* анализу подвергается историко-правовой аспект появления фикций в праве.

Отмечается, что фикции получили широкое распространение в древнеримском праве. Одной из причин появления фикций в древнеримском праве являлся легисакционный судебный процесс, базировавшийся на законах XII таблиц. Последние, несмотря на постоянное совершенствование, обогащение правом других народов (например, правом Древней Греции), отставали от потребностей развивающегося гражданского общества, в связи с чем препятствовали его прогрессу и совершенствованию. Для преодоления существовавшего формализма и догматизма судебные магистраты стали выдавать формулу для ведения дел в суде. В ходе дальнейшего исторического процесса рассматриваемый институт вместе с римским правом был позаимствован средневековыми юристами, которые начали активно использовать фикции в своей деятельности.

Исследуя современную отечественную юридическую литературу, посвященную правовым фикциям, автор делает вывод об отсутствии в теории единства взглядов относительно понимания правовой фикции и ее места в правовом регулировании общественных отношений. Вместе с тем, формирование единого подхода к данному вопросу будет способствовать более детальному изучению отдельных отношений, подлежащих урегулированию с помощью указанного технического средства, поможет выявить его логическую природу. Обозначенное позволяет предложить еще одну версию, которая, по мысли диссертанта, призвана показать сущность правовой фикции как средства правотворческой техники.

Существование фикций в праве можно объяснить исходя из соотношения содержания и формы права, из внутренних особенностей права как регулятора общественных отношений, в частности, несовпадения юридической формы (правовые акты) и социального содержания (общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании). Именно формальная определенность способствует образованию разносторонней правовой формы и несовпадению в некоторых случаях формы с содержанием, что в значительной степени предопределяет выбор такого технического средства, как правовая фикция. Следует иметь в виду, что предметом правовой фикции выступают отношения, нуждающиеся в правовом регулировании; техническим средством необходимо закрепить правило, лишенное истинности с момента установления необходимости обличения его в правовую форму; законодателю заранее известно о ложности устанавливаемого положения.

По результатам проведенного анализа автор делает вывод о том, что правовой фикции как средству правотворческой техники присущи следующие свойства:

фикция обеспечивает существование права в неадекватной своему внутреннему содержанию форме;

предметом фиктивных положений могут быть только общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании;

с помощью данных средств законодатель обличает в правовую форму такое положение, которое заведомо является ложным (вымышленным), например, «считается несудимым» (ч. 2 ст. 86 УК РФ), «не является преступлением» (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и др.;

правовая фикция получает закрепление в нормативном правовом акте (постановлении Пленума Верховного Суда РФ) и в силу этого приобретает общеобязательный характер;

уголовно-правовая фикция является неопровержимой.

Исходя из свойств, присущих правовой фикции как средству правотворческой техники, диссертантом сформулировано ее определение.

Уголовно-правовая фикция – это средство правотворческой техники, закрепляющее в правовой норме или постановлении Пленума Верховного Суда РФ ложное положение, носящее неопровержимый характер, с целью придания стабильности и упорядоченности общественным отношениям.

Четвертый параграф *«Соотношение уголовно-правовых презумпций, фикций и иных смежных правовых категорий»* содержит результаты сравнительно-правового исследования.

Актуальным для разграничения правовой презумпции и фикции как средств правотворческой техники, по мнению автора, является свойство неопровержимости. Диссертант обосновывает, что неопровержимость нельзя признавать отличительной чертой правовой фикции, так как правовая фикция, в отличие от правовой презумпции, – это законодательное положение, не основанное на юридическом предположении о существовании определенного юридического факта, вероятность наличия которого мала или относительно высока, а императивно закрепляющее в уголовно-правовом акте или постановлении Пленума Верховного Суда РФ заведомо несуществующие отношения существующими или, наоборот, служащее для защиты частных и общественных интересов в уголовном судопроизводстве. Правовая фикция, в отличие от правовой презумпции, является ложной по содержанию, правовая презумпция, наоборот, ложна по форме, а не по содержанию.

В данном параграфе исследования также проводится анализ уголовно-правовой презумпции и преюдиции. Аргументируется, что административная преюдиция выступает частным случаем уголовно-правовой презумпции истинности решения по административному делу. Данная презумпция приобретает форму преюдиции, если речь идет об обязательности для суда фактов, ранее установленных, но вновь ставших предметом рассмотрения.

Сравнивая уголовно-правовую презумпцию и правовую гипотезу, автор отмечает, что уголовно-правовая презумпция, в отличие от правовой гипотезы, аккумулирует в себе длительный предшествующий историко-правовой опыт и должна соответствовать регулируемым общественным отношениям (при этом не исключается возможность ее несоответствия отдельным ситуациям). Гипотеза уголовно-правовой нормы, в отличие от правой презумпции, не подлежит опровержению и поэтому всегда соответствует действительности.

Проводя сравнительный анализ уголовно-правовой презумпции и версии, диссертант указывает, что, несмотря на сходство, данные правовые категории обладают существенными различиями. Прежде всего это касается закрепления уголовно-правовой презумпции в норме уголовного закона и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Правовые версии содержатся в основном в каких-либо мето-

дических рекомендациях, в силу чего имеют только рекомендательный характер для правоприменителя. В связи с этим уголовно-правовые презумпции выражают волю законодателя, которая едина для всех категорий правоотношений, регулируемых данной нормой, выдвижение же правовой версии в первую очередь связано с конкретным правоотношением.

В данном параграфе работы делается вывод о том, что уголовно-правовая фикция и фиктивная уголовно-правовая норма не являются синонимической парой, а представляют собой разнопорядковые правовые категории. Схожесть анализируемых правовых категорий обнаруживается в нормативном признаке. Как уголовно-правовая фикция, так и фиктивная уголовно-правовая норма являются законодательными предписаниями и имеют в силу этого общеобязательный характер. Содержанием уголовно-правовой фикции как средства правотворческой техники выступает осознанно установленное законодателем не соответствующее действительности положение, являющееся таковым и в момент конструирования уголовно-правовой нормы, содержание которой закладывается правовой фикцией. Фиктивная уголовно-правовая норма конструируется в первую очередь как истинное законодательное положение, которое впоследствии, в результате правотворческих ошибок, приобретает черты фиктивности, неспособности реализовываться на практике. Таким образом, фиктивная уголовно-правовая норма, в отличие от уголовно-правовой фикции, имеет своим содержанием истинное положение, призванное урегулировать определенные общественные отношения, придать им определенную степень стабильности и упорядоченности.

Вторая глава **«Современное состояние презумпций и фикций уголовного закона»** включает два параграфа.

В первом параграфе **«Характеристика отдельных уголовно-правовых презумпций»** делается акцент на уголовно-правовых нормах Общей и Особенной частей УК РФ, сконструированных законодателем, по мнению диссертанта, с помощью уголовно-правовой презумпции как средства правотворческой техники, и в ряде случаев обосновываются предложения по их совершенствованию.

На основании результатов анализа содержания действующего уголовного закона автор делает вывод о том, что правовая презумпция как средство правотворческой техники использована законодателем при создании следующих положений: принцип справедливости (ст. 6 УК РФ); возраст, с которого наступает уголовная ответственность

(ч. 1–2 ст. 20 УК РФ); цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ); лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ); принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ); обстоятельства, смягчающие наказание (ст. 61 УК РФ); назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ); обстоятельства, отягчающие наказание (ст. 63 УК РФ); назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ); условное осуждение (ст. 73 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ); условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ); замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ); освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ); освобождение от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ); отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ); отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ); освобождение от наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ); сроки погашения судимости (ч. 3 ст. 86 УК РФ).

В подавляющем большинстве случаев законодатель обоснованно использует правую презумпцию как средство правотворческой техники, что позволяет придать общественным отношениям необходимую степень стабильности и упорядоченности, не допустить нарушения прав и свобод человека и гражданина.

Интересные образцы подхода к регулированию общественных отношений представляют действующие разъяснения Верховного Суда РФ, содержащие правила, сконструированные с помощью правовой презумпции.

Например, по мнению диссертанта, спорным представляется толкование, данное в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», согласно которому «возмещение ущерба и

(или) заглаживание вреда (ст. 75–76.1 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и, по его просьбе (с его согласия или одобрения), другими лицами, если само лицо не имеет реальной возможности для выполнения этих действий (например, в связи с заключением под стражу, отсутствием у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества)». Представляется, что данное толкование не соответствует принципам гуманизма и справедливости уголовного закона.

Конкретные предложения автора по совершенствованию уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем с помощью правовой презумпции, сформулированы им в качестве положений, вынесенных на защиту.

Во втором параграфе *«Фикции в конструкциях норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации»* исследуются существующие в действующем уголовном законе правовые нормы, сконструированные законодателем с помощью правовой фикции как средства правотворческой техники, и предлагаются конкретные шаги по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Автор, основываясь на исследовании правовой природы и особенностей уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем с помощью правовой фикции, считает, что законодатель обоснованно использует правую фикцию как средство правотворческой техники, так как с помощью иных технических средств невозможно было бы достичь желаемого результата по урегулированию общественных отношений.

Проведенный диссертантом анализ норм Общей и Особенной частей УК РФ позволил выявить следующие уголовно-правовые нормы, сконструированные законодателем с помощью такого средства правотворческой техники, как правовая фикция: принцип законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ); принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ); основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ); действие уголовного закона во времени (ч. 2 ст. 9 УК РФ); обратная сила уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК РФ); рецидив преступлений (ч. 4 ст. 18 УК РФ); невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ); посредственный исполнитель преступления (ч. 2. ст. 33 УК РФ); совершение преступления организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ); обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 8 УК РФ); назначение наказания при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ); судимость (ч. 2 и 6 ст. 86 УК РФ); примечания к ст. 131 УК РФ.

Анализ судебной практики Пленума Верховного Суда РФ по толкованию уголовно-правовых институтов, сконструированных законодателем с помощью правовой фикции как средства правотворческой техники, показывает, что это нередко приводит к изменению смысла самой нормы права и уменьшению или расширению сферы карательной политики. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», давая разъяснения по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывает, что действия участников организованной группы, независимо от их роли, следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ (уголовно-правовая презумпция). Вместе с тем, совершение убийства при не менее опасном виде соучастия – группе лиц по предварительному сговору (преступной группе) – влечет квалификацию на общих основаниях, хотя преступная группа относится к одному из опасных видов соучастия, и содеянное ею должно квалифицироваться без ссылки на ст. 33 УК РФ, а по правилам ч. 2 ст. 34 УК РФ, согласно которой соисполнители подлежат уголовной ответственности без ссылки на ст. 33 УК РФ. Аналогичный прием был использован при конструировании п. 14 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», который гласил, что: «ответственность за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетнего лица либо не достигшего четырнадцатилетнего возраста наступает лишь в случаях, когда виновное лицо достоверно знало о возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, знакомым, соседом) или когда внешний облик потерпевшего лица явно свидетельствовал, например, о его возрасте. Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего лица приближается к восемнадцатилетию, или в силу акселерации оно выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака». Таким образом, при помощи использования ложного утверждения о возрасте потерпевшего законодателем был учтен физиологический показатель возраста потерпевшего, что, по нашему мнению, является совершенно оправданным и соответствует реалиям развития общественных отношений в сфере борьбы с половыми преступлениями против несовершеннолетних. Так, например, в случае, когда потерпевшее лицо 15-летнего возраста в силу акселерации по внешним критериям выглядело на 18–20 лет, а также с учетом иных обстоятельств (время, место знакомства и др.)

виновное лицо не могло знать действительный возраст, то вменение лицу ст. 134 УК РФ не допустимо, что также соответствовало, по нашему мнению, принципу субъективного вменения (ч. 2 ст. 5 УК РФ) и способствовало стабильности уголовно-правовых отношений. Ныне действующее постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» такого разъяснения не содержит, что является существенным упущением законодателя по регулированию данной сферы общественных отношений.

Конкретные предложения автора по совершенствованию уголовно-правовых норм, сконструированных законодателем с помощью правовой фикции, сформулированы им в качестве положений, выносимых на защиту.

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и предложения.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих работах автора:

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Минобрнауки России:

1. Тарасенко В.В. Юридическая фикция в конструкции института освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних как один из аспектов социально-экономического развития региона // Регион: системы, экономика, управление. – 2013. – № 4(23). – С. 161–166 (0,5 п. л.).

2. Тарасенко В.В. Презумпция утраты лицом общественной опасности как основание освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 1(16). – С. 182–187 (0,3 п. л.).

3. Тарасенко В.В. Правовая фикция в конструкции уголовно-правовой нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 3(18). – С. 221–230 (0,5 п. л.).

4. Тарасенко В.В. Презумпции и фикции в уголовном правотворчестве и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 3. – С. 262–276 (0,7 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. Тарасенко В.В. Теоретические аспекты правовых презумпций // Молодой ученый. 2013. – № 11(58). – С. 556–560 (0,4 п. л.).

6. Тарасенко В.В. Некоторые аспекты уголовно-правовых презумпций // Инновационный потенциал, состояние и тенденции развития в экономике, проектном менеджменте, образовании, политологии, юриспруденции, психологии, экологии, медицине, филологии, философии, социологии, технике, физике, математике: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 30–31 окт. 2013 г. – СПб: Санкт-Петербургский институт проектного менеджмента, 2013. – С. 408–412 (0, 3 п. л.).

7. Тарасенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, как презумпция утраты лицом общественной опасности // Социализация науки: сб. материалов XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам, 17–18 окт. 2013 г. – Горловка, 2013. – С. 44–48 (0,4 п. л.).

8. Тарасенко В.В. Снятие и погашение судимости как мнимое явление в праве // Перспективные исследования науки и техники: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 7–15 нояб. 2013 г. – Прага, 2013. – Т. 12. Право. Изучение. – С. 21–28 (0,4 п. л.).

9. Тарасенко В.В. Вопросы понимания правовой презумпции как определенного правового потенциала для правотворческой деятельности // Достижение высшей школы: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 17–25 нояб. 2013 г. – София, 2013. – Т. 14. Закон. – С. 24–32 (0,5 п. л.).

10. Тарасенко В.В. Общие предположения в правоприменительной деятельности правоохранительных органов как предпосылка для образования уголовно-правовых презумпций: сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., 27 нояб. – 5 дек. 2013 г. // Научно-европейская промышленность–2013. – Прага, 2013. – Ч. 14. Юридические науки. – С. 43–47 (0,3 п. л.).

11. Тарасенко В.В. Презумпция усиления общественной опасности деяния и лица, его совершившего: на примере совершения преступления в соучастии // Наука в современных условиях: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам, 20–21 февр. 2014 г. – Горловка, 2014. – С. 77–82 (0,4 п. л.).

12. Тарасенко В.В. Ложное предположение в правовом аспекте: на примере уголовного права России // Право: современные тенденции: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., апр. 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 115–121 (0,6 п. л.).

13. Тарасенко В.В. Уголовно-правовая фикция в юридической конструкции условного осуждения // Молодой ученый. – 2014. – № 11(70). – С. 272–277 (0,5 п. л.).

14. Тарасенко В.В. Юридическая фикция в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Государство и право: теория и практика: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., июль 2014 г. – Чита, 2014. – С. 81–84 (0,3 п. л.).

15. Тарасенко В.В. Ложное предположение о стертой судимости // Гражданин и право. – 2014. – № 8. – С. 78–81 (0,2 п. л.).

16. Тарасенко В.В. Проблемные аспекты опровержимых и неопровержимых презумпций в праве // Актуальные проблемы права: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф., нояб. 2014 г. – М., 2014. – С. 111–116; (0,3 п. л.).

17. Тарасенко В.В. Нестандартные средства законодательной техники // Современные проблемы права и управления: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2014 г. – Тула: Институт законоведения и управления ВПА, 2014. – Вып. 4. – С. 58–60 (0,1 п. л.).

18. Тарасенко В.В. Законодательное предположение вменяемости в уголовном праве // Молодой ученый. – 2014. – № 4(63). – С. 879–882 (0,3 п. л.).

19. Тарасенко В.В. Уголовно-правовая презумпция в законодательной регламентации деликтоспособности // Молодой ученый. – 2015. – № 7(87). – С. 613–618 (0,5 п. л.).

20. Тарасенко В.В. Юридическая фикция в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства РФ и субъектов РФ: сб. материалов XLII Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 20-летию Конституции Удмуртской Республики, 17–18 апр. 2014 г. – Ижевск: Ижевский институт права, социального управления и безопасности, 2014. – С. 314–319 (0,3 п. л.).

21. Тарасенко В.В. Фикция в законодательной конструкции обстоятельств, исключающих преступность деяния // Актуальные проблемы науки XXI века: сб. статей XII Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Cognitio, 2016. – С. 177–180 (0,2 п. л.).

22. Тарасенко В.В. Теоретико-правовые основы уголовно-правовой фикции // Молодой ученый. – 2016. – № 18. – С. 367–373 (0,7 п. л.).

23. Тарасенко В.В. Уголовно-правовая фикция в законодательной конструкции принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. ст. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 127–131 (0,3 п. л.).

Подписано в печать 17.04.2017. Печ. л. 1,3.
Тираж 120 экз. Заказ 594.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.